

Школьный бытъ питомцевъ Переславскаго духовнаго Училища въ сороковыхъ годахъ.

(Воспоминанія бывшаго питомца, по поводу 100-лѣтняго юбилея училища).

На страницахъ Владим. Епархіальныхъ Вѣдомостей, не помню—за который годъ, (*) помѣщены были школьныя воспоминанія старца протоіерея Силы Архангельскаго, которыя прочитывались съ немалымъ интересомъ. Можно было надѣяться, что найдутся подражатели и продолжатели воспоминаній почтеннаго о Протоіерея, которые укажутъ на школьный бытъ дух. питомцевъ въ послѣдующихъ годахъ; но, къ сожалѣнію, таковыхъ до селѣ не оказалось. Беру

(*) За 1875 г. №№ 10—13. *Ред.*

на себя смѣлость продолжить воспоминанія объ этомъ предметѣ за время, слѣдовавшее почти непосредственно послѣ воспоминаемаго о. Протоіерея (*). Впрочемъ воспоминанія о. Протоіерея касались Владимірскаго училища и семинаріи, а мои относятся къ Переславскому училищу.

Въ своихъ воспоминаніяхъ я не намѣренъ держаться строго систематическаго порядка и подводить оныя подъ извѣстныя рубрики; буду говорить такъ, какъ эти воспоминанія воспроизводятся въ моей памяти, или по порядку времени, или по однородности предметовъ, при чемъ учебная и воспитательная часть, быть квартирный школьниковъ и другіе порядки могутъ смѣшиваться. Я пишу не съ предвзятою цѣлію указать достоинства или недостатки въ школьномъ бытѣ того времени и къ сему направлять свои воспоминанія, но съ тѣмъ, чтобъ изъ этихъ воспоминаній каждый могъ сдѣлать свой выводъ.

Начну съ приѣма въ школу. Онъ производился такъ: малютку 7—9 лѣтъ приводили сперва къ учителю 1-го класса. Отецъ или мать ребенка несли учителю кто десятокъ яицъ, кто десятокъ яблокъ, кто фунтъ баранокъ, а люди позажиточнѣе отъ четвертака до полтинника деньгами. Школьники такихъ щедрыхъ родителей были въ особомъ вниманіи учителя. Въ настоящее время можно смѣяться надъ этими приношеніями; но въ то время, когда учитель получалъ 300 руб. ассигнаціями (85 р. с.) въ годъ, такія приношенія и самый приѣмъ ихъ могли быть извинительны, тѣмъ болѣе, что эти жертвы не вынуждались, а приносились добровольно, по принятому порядку, въ виду скуднаго обезпеченія учителей.—Приведеннаго малютку учитель обыкновенно спрашивалъ: умѣетъ ли онъ читать и писать? Отвѣты были таковы: читать и писать умѣю, или: умѣю только читать, или: вовсе ничего не умѣю,—что случалось съ сиротами, которыхъ некому было учить. Для испытанія въ чтеніи

(*) Воспоминанія о. Архангельскаго обнимаютъ годы 1818—1832. *Ред.*

раскрывалась псалтирь, а для письма предлагалась аспидная доска и глифель. Учитель записывалъ прибывшаго въ списокъ своихъ учениковъ и за тѣмъ отсылалъ къ смотрителю училища на *усмотрѣніе*. Смотритель производилъ такое же испытаніе поступающаго школьника и также вносилъ въ свой списокъ. Отказа въ пріемъ не было ни кому. Вслѣдствіе чего въ 1 классъ училища въ первую учебную треть года, особенно въ началъ ея, былъ такой сумбуръ, что и разобрать трудно: одни начинали ученіе съ азовъ, другіе торились (навыкали) въ чтеніи, третьи въ писаніи на бумагѣ палокъ, что называлось: «огородъ городить», четвертые въ писаніи буквъ и пр. и пр. Вечерній классъ, съ 2 до 4 часовъ, обыкновенно назначался или на пѣніе, или на письмо. Учителю приходилось многимъ изъ неумѣющихъ учениковъ и линевать тетрадки, и чинить перья (гусиные; о стальныхъ перьяхъ тогда не имѣли понятія); для этого онъ приносилъ съ собой въ классъ линейку, карандашъ и перочинный ножикъ. Случалось такъ, что новичекъ, еще, не привыкшій къ обращенію съ учителемъ, говорилъ ему: «дядюшка (или батюшка) почини мнѣ перышко». Учитель бралъ у него перо и своимъ ножикомъ очинивалъ. Такъ велось при поступленіи моемъ въ 1-й классъ Переславскаго училища. Учителемъ въ то время былъ молодой священникъ Ѳ. М. Покровскій (уже умершій).

Въ половинѣ сентябрской трети разница въ подготовкѣ новобранцевъ нѣсколько сглаживалась; начинались правильные уроки, если можно назвать уроками правильными выучку по книгѣ «съ этихъ до этихъ» и что называлось «къ зубу», безъ всякихъ пропусковъ въ текстѣ; о пониманіи заученнаго не было заботы ни учителю, ни ученикамъ. Назначались аудиторы изъ лучшихъ учениковъ, которымъ поручалось, до прихода въ классъ учителя, испытывать назначенныхъ каждому учениковъ, числомъ 5—10,

въ знаніи урока. Авдиторъ прослушивалъ свою партію и отмѣчалъ въ спискѣ: зн. или нз. (знаетъ, не знаетъ). Плохо приготовившій урокъ обыкновенно запасался кускомъ лепешки, или калача, и совалъ его въ руки аудиторѣ съ просьбою: «голубчикъ, запиши получше». Отмѣченный въ спискѣ зн. просиживалъ въ классѣ благополучно, потому что не всѣхъ учениковъ могъ переиспытать учитель,—а получившій отмѣтку въ спискѣ нз. предъ приходомъ учителя долженъ былъ становиться у печки на колѣна. Первое вниманіе учителя по приходѣ въ классъ обращалось на колѣнопреклоненныхъ, надъ коими сгущалась гроза, начинавшаяся восклицаніемъ: «ахъ, вы лѣнтяи!» Въ отвѣтъ на это слышалось: «я знаю, я знаю». Учитель начиналъ провѣрять ихъ знанія, и однихъ, оказавшихся отчасти знающими, сажалъ на мѣсто за парту, а другіе — незнающіе или подвергались наказанію розгами, или оставались на колѣнахъ въ теченіе всего класснаго урока. Эта разборка незнающихъ урока продолжалась иногда слишкомъ долго, обращенія къ знающимъ сдѣлать было некогда, и опять шло: «съ этихъ до этихъ». Таковой порядокъ аудиторства велся во всѣхъ классахъ училища, исключая четвертый—у инспектора И. П. Чуриловскаго. У всѣхъ учителей царяла давняя рутина, а Чуриловскій (вѣчная ему память!) представлялъ собою свѣтлое исключеніе. Но объ немъ рѣчь впереди.

Кромѣ аудиторовъ въ 1 классѣ, какъ и въ прочихъ, назначался еще одинъ цензоръ, большею частію первый въ классѣ ученикъ. Обязанность цензора состояла въ томъ, чтобы водворять порядокъ въ классѣ до прихода учителя, а о нарушителяхъ порядка въ классѣ и при переходѣ отъ квартиры до училища доносить учителю. Учитель по приходѣ въ классъ имѣлъ еще особое занятіе въ разборѣ донесеній цензора и другихъ. Напримѣръ: цензоръ доноситъ учителю, что такой - то ученикъ, идя въ учи-

лице, бросилъ въ собаку, которая на него залаяла, ариѳметикой Куминскаго (авторъ). Учитель спрашиваетъ виновнаго: чья у тебя ариѳметика — своя, или казенная? Отвѣтъ: казенная. Приговоръ, — экзекуція. Или: одинъ изъ школьниковъ жалуется учителю на другаго, что тотъ попросилъ у него «поѣсть», т. е. кусочекъ лепешки, а онъ ему отказалъ; просившій пригрозилъ ему: «попадешься на узенькой дорожкѣ, я съ тобой раздѣлаюсь». Изволь учитель разбирать всѣ эти дѣтскія дразги и по всѣмъ онымъ поставлять приговоры. Сколько времени приходилось учителю употреблять на разборъ всѣхъ жалобъ и на исполненіе по онымъ приговорамъ, и сколько оставалось на занятіе уроками! Такимъ образомъ и учебная и воспитательная часть смѣшивались какъ-то безъ разбора въ одномъ лицѣ учителя, когда въ то же время существовала инспекція. Но инспекція вѣдала одни выдающіеся проступки школьниковъ, а мелкіе предоставляла разбору учителей.

Къ разряду, въ нѣкоторомъ родѣ, должностныхъ между школьниками лицъ принадлежали еще дежурные по классу. Дежурство правилъ каждый ученикъ, исключая цензора и аудиторовъ, по порядку въ спискѣ, въ теченіе одного дня. Обязанность дежурнаго состояла въ томъ, чтобы слѣдить за цѣлостію, такъ называемаго, казеннаго имущества въ классѣ и въ случаѣ поврежденія чего либо доносить учителю, наприм. кто изрѣзалъ парту, попортилъ чѣмъ либо классную доску, разбилъ въ окнѣ стекло, пролилъ на столѣ учителя чернила, запачкалъ классный журналъ и пр. По выходѣ учениковъ изъ класса послѣ утреннихъ уроковъ, дежурный обязанъ былъ запираить классную комнату и брать ключъ съ собой, а послѣ вечерняго урока осмотрѣть всѣ парты, собрать оставленные тамъ учениками вещи и книги, чтобъ оными не могъ воспользоваться сторожъ, который будетъ топить печь и мести полъ. Въ 3 классѣ училища при учителѣ И. М. Флоринскомъ практиковалось то, что

дежурный всё забытыя учениками и собранныя имъ вещи представлялъ ему, по прибытіи въ классъ, для раздачи по принадлежности. О. Флоринскій очень строго относился къ этой забывчивости учениковъ, видя въ томъ ихъ разсѣянность и небреженіе о своей и казенной собственности. Отъ какой либо чернильницы и карандаша владѣльцу можно было отказаться, но отъ книги—никакъ, потому что на каждой книгѣ имѣлась надпись: «сія книга принадлежитъ до ученика такого-то класса №» и при этомъ присоединялась во свидѣтельство подпись нѣсколькихъ товарищей. И. М. обыкновенно развертывалъ книгу, по надписи на ней вызывалъ ученика, отправлялъ его на экзекуцію и затѣмъ выдавалъ ему книгу. Эта экзекуція и раздача забытыхъ въ классѣ книгъ продолжалась иногда до половины урочнаго времени, такъ какъ учениковъ въ 3 классѣ насчитывалось отъ 90 до 120; почему не удивительно, что забывчивыхъ набиралось не мало(*).

Кромѣ классныхъ должностныхъ лицъ между школьниками, были еще изъ нихъ должностныя лица квартирныя. Это—старшій въ каждой квартирѣ, назначаемый инспекторомъ изъ старшихъ учениковъ между квартирантами. Онъ по большей части былъ руководителемъ и дядюкою всѣхъ новичковъ, которому давались подарки отъ отцевъ и матерей малютокъ, и отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ въ квартирѣ. Онъ записывалъ въ квартирномъ журналѣ всѣ событія дня, какъ то: отлучки учениковъ съ квартиры, время совершенія утренней и вечерней молитвы, и вообще свидѣтельствовалъ «о благополучіи» въ квартир-

(*) Иногда ученики продѣлывали съ И. М. такую штуку: уговорятся оставить въ классѣ какъ можно больше книгъ, не нужныхъ къ уроку на слѣдующій день. Дежурный по классу представить учителю цѣлый ворохъ книгъ и уложить на учительскомъ столѣ. О. Флоринскій, видя, что съ такимъ количествомъ виновныхъ расправиться трудно, выйдетъ изъ себя, начнетъ ругаться, разбрасываетъ книги на полъ; ученики бросятся ихъ разбирать, пойдетъ толкотня, шумъ и пыль столбомъ. Ученикамъ удавалось черезъ это утянуть часть класснаго времени безнаказанно.

рѣ. Это «благополучіе» провѣряли особые квартирныя старшіе изъ учениковъ 4 класса, тоже по назначенію инспектора, которые обходили свой районъ квартиръ почти ежедневно и записывали въ квартирномъ журналѣ о времени своего посѣщенія.

Въ первый годъ моего поступленія въ училище была еще должность главнаго старшаго(*), которая съ 1843 года была упразднена.

Такимъ образомъ, куда ученикъ не сунься, вездѣ предъ глазами его начальство: отсюда—страхъ за всякій шагъ и забитость. Удивляться только нужно, какъ могли изъ этого рабства у всякаго мелочнаго начальства выходить цѣльные и неиспорченныя натуры,—какъ молодые люди могли выносить весь этотъ гнетъ и искусь отъ своихъ сотоварищей, не всегда благоразумныхъ, и не потеряться въ общемъ итогѣ недоучекъ? Видимо, само Провидѣніе охраняло ихъ, а можетъ быть—приэтомъ и въ самой душѣ тѣхъ отроковъ хранились задатки особой смѣтливости и терпѣнія при всякихъ жизненныхъ невзгодахъ.

Что касается прямой училищной инспекціи, то она, при всей строгости въ тогдашнее время, была умѣренна и благоразумна, потому что зависѣла отъ такой личности, какъ И. П. Чуриловскій. Онъ былъ главнымъ и единственнымъ руководителемъ училища, хотя и не былъ его начальникомъ. Учебная, воспитательная и экономическая части училища держались на немъ одномъ. При немъ Переславское училище цвѣло и выдѣлялось изъ уровня другихъ училищъ въ Епархіи. Но если имъ же, Чуриловскимъ, допускались въ помощь инспекціи разные старшіе квартирныя, а въ классахъ цензоры и аудиторы; то это зависѣло отъ общей постановки учебнаго и воспитательнаго дѣла во всѣхъ

(*) Главнымъ старшимъ я засталъ Ст. Льв. Королькова, который въ послѣдствіи былъ протоіереемъ и благочиннымъ Дворцовыхъ церквей въ Москвѣ,—а старшимъ въ моей квартирѣ былъ Григ. Ив. Виноградовъ, умершій въ Петербургской дух. академіи, слышій за замѣчательнаго проповѣдника и оратора, близкаго по стилю Преосв. Иннокентію Херсонскому.

училищахъ того времени, хотя къ этой постановкѣ онъ и не благоволилъ, доказательствомъ чего служить то, что у него въ классѣ не было ни цензора, ни аудиторовъ. Видимо, этотъ человѣкъ по своимъ понятіямъ шелъ впереди своего времени. Всѣ смотрители училища, сколько при немъ ихъ ни было, жили его руководствомъ и играли роль подчиненныхъ. Поэтому и ученики знали, уважали и боялись одного Чуриловскаго, а не смотрителей училища. Его умъ, начальническій тактъ, честность, правдивость, научныя познанія ставили его въ ряду выдающихся педагоговъ того времени, хотя онъ имѣлъ только степень студента семинаріи.

При упоминаніи о цензорахъ, аудиторахъ и старшихъ, имѣвшихъ значеніе въ училищѣ, прервана мною нить начатаго разсказа объ учебной постановкѣ въ 1 классѣ училища. Продолжу объ этомъ рѣчь. Когда новички были отчасти уравнены въ навыкѣ чтенія славянской и гражданской печати, приступали къ изустнымъ урокамъ по краткой свящ. исторіи и краткому катихизису митроп. Филарета. Объясненій къ этимъ урокамъ не прилагалось, а требовалось одно—заучить начатки вѣроученія «къ зубу». Другихъ изустныхъ уроковъ не было. Въ томъ классѣ шли еще упражненія въ чтеніи славянской псалтири, чистописаніи, писаніи и выговорѣ цифръ до милліона и въ разборѣ обиходныхъ нотъ «по солямъ». Вотъ и вся тогдашняя программа преподаванія въ 1 классѣ училища! Не широка она, но для многихъ, неподготовленныхъ домашнимъ обученіемъ, казалась египетскимъ игомъ. Вслѣдствіе чего и при этой не широкой программѣ обученія многіе оставались на повторительный курсъ въ 1 классѣ, а нѣкоторые даже были исключаемы за малоуспѣшность, соединяемую впрочемъ съ шалостями.

Кончался учебный годъ, назначался день для переводнаго экзамена; учитель составлялъ разрядный списокъ и представлялъ оный смотрителю. Въ день экзамена являлись

въ классъ смотритель и инспекторъ, производилось испытаніе не всѣхъ учениковъ въ теченіе 2—3 часовъ, и затѣмъ все окончено. Разрядный списокъ учителя составлялъ всю компетентность въ оцѣнкѣ ученическихъ познаній,—потому что въ теченіе года никто не повѣрялъ ни занятій учителя, ни успѣховъ учениковъ. Если иногда смотритель и приходилъ въ классъ, то только для проформы; потому каждому учителю была своя воля. Измѣненій въ разрядномъ спискѣ учителя не полагалось—и все, предложенное имъ, утверждалось. — Таже процедура экзаменовъ велась и въ прочихъ классахъ училища, съ тою только разницею, что въ 3 и 4 классахъ испытанія учениковъ были продолжительнѣе, отъ 2 до 3 дней, и на эти экзамены являлась иногда вся учительская корпорація. Больше всего было исключаемыхъ изъ 3 класса, въ немъ же больше и оставляемыхъ на повторительный курсъ. Одинъ субъектъ изъ моихъ товарищей (А. Товаровъ) пробылъ въ 3 классѣ ровно 6 лѣтъ, а всего въ Переслав. училищѣ 12 лѣтъ, и перешелъ въ семинарію, имѣвши за 20 лѣтъ отъ роду. Впрочемъ это не исключительный примѣръ,—были и другія личности, которыя съ 3 класса начинали бриться и пѣть басомъ.

Кромѣ переводнаго годичнаго экзамена, были еще частные предъ отпускомъ учениковъ на Святки и св. Пасху; производились они во всѣхъ классахъ каждымъ учителемъ по своимъ предметамъ, при чемъ повѣрялись познанія всѣхъ учениковъ въ томъ, что пройдено въ теченіе трети года. Затѣмъ составлялся разрядный списокъ по оказаннымъ успѣхамъ и производилась, такъ называемая, *пересадка* съ мѣста на мѣсто,—т. е. ученикъ, занимавшій наприм. № 5 и оказавшійся на экзаменѣ стоящимъ высшаго №, или низшаго, пересаживался на соотвѣтственное его отвѣтамъ мѣсто, или изъ перваго разряда переводился во второй,

изъ втораго въ первый. Эти пересадки имѣли смыслъ и значеніе потому, что возбуждали соревнованіе въ школьникахъ и приносили имъ или похвалу, или нотацію отъ родителей.

Въ теченіе каждаго учебнаго года слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя особенности въ школьномъ бытѣ:

а) Предъ отпускомъ на Святки недѣли за двѣ школьники занимались списываніемъ *рацей*, которыя выучивались и приготовлялись къ произношенію во время славленья предъ вліятельными лицами въ приходѣ, начиная съ зажиточнаго крестьянина, церковнаго старосты, и доходя до священника и помѣщика. За тѣ рацеи, конечно, слѣдовало особое вознагражденіе: кромѣ совка овса, давался еще серебряный пятакъ или гривенникъ, къ радости школьника. Рацеи тѣ въ большинствѣ случаевъ были высокопарны безъ всякаго содержанія, или наивны; но онѣ успѣшно отправляли свою службу въ сбираніи пятачковъ.

б) По возвращеніи въ училище, послѣ отпусковъ на Святки, Пасху и вакаціи, почти каждый ученикъ являлся въ квартиру своего учителя по классу съ приношеніями разнаго рода, вещевыми или денежными. смотря по возможности. Только къ Чуриловскому запертъ былъ входъ съ подобными явками, да къ одному изъ бывшихъ смотрителей училища И. И. Сахарову; прочіе смотрители и учителя не чуждались такихъ приношеній. Послѣ отпуска на масланицу тѣхъ явокъ съ приношеніями учителямъ не полагалось.

в) Предъ отпускомъ на Пасху школьниковъ озабочивала разрисовка отпускныхъ билетовъ; ни кому не хотѣлось явиться домой къ Свѣтлому празднику безъ разукрашеннаго билета. Обыкновенно края билетовъ разрисовывались различно, смотря по фантазіи и умѣнью рисовальщика, небывалыми цвѣтами и птицами, вычурными столбами съ аллегорическими изображеніями, напоминаю-

щими Христово Воскресеніе, а въ срединѣ писался тщательно текстъ билета. Не всѣ, конечно, умѣли рисовать, а потому неумѣвшіе обращались къ тѣмъ, у кого были краски и кто обладалъ лучшею способностію въ рисовкѣ, — имъ-то перепадали пятаки, калачи и лепешки.

г) Въ послѣднюю учебную треть года (въ маѣ) все вниманіе школьниковъ занято было развлеченіями на рекреаціяхъ и соображеніями—сколько въ этомъ мѣсяцѣ выпадетъ на ихъ долю удовольствій. Обыкновенно рекреаций насчитывалось 12, но иногда менѣе, — и май мѣсяцъ школьники называли гулевымъ. Не всегда начальствующіе въ училищѣ назначали время рекреаций, но по большей части сами ученики выпрашивали для себя тѣ гулянья. Если выдавался теплый и ясный день, если кто-либо изъ учителей былъ именинникомъ, если замѣтили, что зритель въ хорошемъ расположеніи духа, — все это было поводомъ къ выпрашиванію рекреаций. Вообще школьники какъ-то умѣли пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ имъ дана была возможность погулять. Когда обстоятельства благоприятствовали желанію школьниковъ, они съ общаго рѣшенія, обыкновенно предъ началомъ классныхъ занятій, отправляли депутацію къ зрителю, иногда инспектору, съ просьбой о рекреаціи. Эта просьба большею частію выражалась на латинскомъ языкѣ хоровымъ пѣніемъ у дверей начальника: «*Pater noster, Domine Rector, (или просто: domine N) recreationem humillime rogamus*». Въ случаѣ соизволенія, въ отвѣтъ высшимъ гласомъ пѣлось: «*gratias agimus*». Во время отправки депутаціи волненіе школьниковъ, ожиданіе результата отъ просьбы депутаціи доходило до высшей степени напряженія. Если издали замѣчали быстрый ходъ депутаціи и размахиваніе руками, то всѣ начинали кричать: дали, дали, — и восторгамъ не было конца; но когда видѣли, что депутація возвращалась

вяло и понурия головы, то понимали, что послѣдовалъ отказъ,—и всё, нехотя, расходились по классамъ.

Привлекательность рекреационныхъ гуляній состояла главнымъ образомъ въ томъ, что школьники въ это время пользовались полной свободой, которой въ другое время ученья не видали, а знали лишь принужденіе и стѣсненіе. До 12 часовъ дня имъ позволялось идти, кто куда хочетъ, забавляться, кто чѣмъ желаетъ,—разумѣется, не выходя за предѣлы благопристойности.

Первымъ дѣломъ школьниковъ при назначеніи рекреации было—сдѣлать осмотръ своихъ сундучковъ и запаснаго въ нихъ капитала. Мѣдные пятаки и гривны, серебряные пяточки и гривенники, сберегаемые въ другое время при всѣхъ лишеніяхъ, вытаскивались изъ завѣтнаго уголка. При дешевизнѣ въ то время всѣхъ предметовъ потребленія, при ограниченности потребностей школьниковъ, одного гривенника, даже менѣе, хватало на всѣ рекреационные расходы, какъ то: на бабки, калачъ, грушу, грушевый квасъ и даже въ нѣкоторой мѣрѣ на орѣхи и дешевые пряники.

Послѣ 12 часовъ дня ученики собирались въ Даниловъ монастырь, гдѣ помѣщалось тогда училище, инспекторъ дѣлалъ распоряженія, назначалъ мѣсто для гулянья, порядокъ перехода къ тому мѣсту и возврата послѣ гулянья. Подъ предводительствомъ старшихъ школьники гуртомъ отправлялись за городъ въ такъ называемую *Лисену*, за 4—5 верстъ отъ города. Эта Лисена — небольшая роща изъ разныхъ лиственныхъ деревьевъ; близъ нея протекала небольшая рѣченка, и около широкая площадь луговины, удобная для гулянья. Сюда являлись мелочные торговцы съ калачами, грушей, квасомъ, дешевой бакалеей и гречневиками. Наконецъ, являлось тудаже начальство и вся учительская корпорація. Школьники дробились на многія группы: одни играли въ бабки, другіе въ лапту, въ горѣлки, въ перегонку,—третьи составляли хоръ пѣсенниковъ, многіе

бродили по рощѣ, вырѣзывали себѣ палочки, дѣлали дудки. Въ развлеченіяхъ школьниковъ принимали участіе и учителя, хотя сдержанно, не подѣтски. Кромѣ привлекательности рекреационныхъ гуляній въ хорошей лѣсной мѣстности, на вольномъ 'воздухѣ, участіе учителей въ играхъ школьниковъ доставляло послѣднимъ другое удовольствіе, ибо они чувствовали себя какъ бы равными старшимъ и учителямъ, по крайней мѣрѣ—болѣе близкими къ нимъ. Отъ учителей случались нерѣдко и подачки ученикамъ,—покупались у торговцевъ кульки съ орѣхами и пряниками, которые разбрасывались въ толпу. Начиналась давка и кутерьма при погонѣ за гостинцами,—кому было смѣшно, кому удовольствіе и прибыль, а кому подѣ часъ и слезы: настоящая панорама общаго склада жизни человѣческой!—Предъ закатомъ солнца объявлялось распоряженіе объ окончаніи гулянья и о возвратѣ въ квартиры. Возвращались всѣ вмѣстѣ и обыкновенно съ маршевыми солдатскими пѣснями; сантиментальныхъ романсовъ, въ родѣ нынѣшнихъ, тогда школьники не знали, а пробавлялись больше военными и простонародными пѣснями. На распространеніе въ большинствѣ военныхъ пѣсенъ вліяло недалекое воспоминаніе о войнѣ 12 года, а не меньше того—и близкое о Польской и Венгерской кампаніяхъ и начавшееся покореніе Кавказа.—Возвратъ съ гулянья не обходился безъ утомленія, ночь спали крѣпко, безъ думы объ урокахъ на слѣдующій день.—потому что оныхъ не полагалось, а шли въ классъ съ готовыми уроками прошедшаго дня.

д) По окончаніи годичнаго экзамена, наканунѣ отпуска на вакацію, устраивался публичный экзаменъ. Онъ состоялъ въ томъ, что отдѣлялось въ каждомъ классѣ по немногу лучшихъ учениковъ и имъ давались по каждому учебному предмету уроки, которые имъ предстояло говорить предъ публикою. Публику на этомъ экзаменѣ, кромѣ

училищнаго начальства и учителей, составляли лица изъ городского духовенства, смотритель и нѣкоторые изъ учителей уѣзднаго училища, иногда городничій, исправникъ и другіе изъ чиновнаго міра. Мѣстомъ для публичнаго экзамена всегда назначалось помѣщеніе 4 класса училища. Парты выносились вонъ, полъ вымывали, вносили большой столъ, покрытый сукномъ, около него разставлялись стулья для почетныхъ посѣтителей, передъ столомъ выстилался коверъ, сдѣланный изъ полевыхъ цвѣтовъ, песку, мѣлу, сурьмы, голландской сажки и другихъ красокъ; около оконъ развѣшивались гирлянды изъ дубовыхъ и кленовыхъ листьевъ. Убранство комнаты требовало многихъ хлопотъ, въ особенности настилка ковра. Ученики свободные отъ экзаменовъ посылались для собиранія въ поляхъ василька, шиповника, ромашки и друг. цвѣтовъ, а въ лѣсахъ—листьевъ съ клена и дуба; каждый долженъ былъ принести назначеннаго ему матеріала извѣстную долю, мѣрою которой служила фуражка. Все собранное сносилось и сдавалось мастерамъ по убранству комнаты. Умѣнье выстилать коверъ удавалось немногимъ; двое, много трое, брались за это дѣло и выполняли оное съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Размѣръ ковра по большей части опредѣлялся въ 2 арш. ширины и въ 3 арш. длины. Сюжетъ для рисунка на коврѣ указывался начальствомъ училища, а рисунокъ сначала дѣлался на бумагѣ самими мастерами и представлялся на одобреніе начальства. По одобренному рисунку выстилался и коверъ. Напримѣръ предлагалось выразить плоды прилежанія. На коврѣ изображался домъ, окруженный деревьями, а сверху падающій дождь, который чрезъ дождевую трубу сходилъ внизъ на средину пробитаго камня. Въ каймѣ ковра выкладывались слова: *gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*. Или нужно было представить пользу ученія. Тогда на коврѣ изображался садовникъ, собирающій въ корзину яблоки; на каймѣ писалось: корень ученія горекъ, но плоды его сладки, и т. п.

Публичный экзаменъ въ училищѣ производился такъ: когда являлись начальствующія лица и почетные посѣтители, пѣвчіе пѣли: благословенъ еси Христе, Боже нашъ затѣмъ какой-либо духовный концертъ, если хоръ пѣвцовъ изъ школьниковъ имѣлъ въ Даниловомъ монастырѣ регента и старшіе голоса. По окончаніи концерта начиналось испытаніе учениковъ (казовое) въ знаніи предметовъ ученія. Выступали предъ собраніе двое изъ учениковъ 4 класса, одинъ декламировалъ изустно главу изъ Корнелія Непота по латыни, а другой переводилъ оную порусски,—давались вопросы и возраженія, на которые слѣдовали отвѣты испытуемыхъ. Въ томъ же видѣ шли испытанія по географіи, ариметикѣ, потомъ переходили на греческій языкъ, пространнѣй катихизисъ и свящ. исторію. Испытаніе учениковъ 4 класса заканчивалось иногда новымъ концертомъ пѣвчихъ. Затѣмъ шла экзаменація учениковъ изъ прочихъ классовъ. По предмету русскаго языка большею частію читались и разбирались басни Крылова; по славянскому избиралось мѣсто изъ Евангелія, или Апостола для перевода на русскій языкъ съ необходимыми поясненіями словъ и грамматич. разборомъ; первоклассникамъ назначались статьи изъ краткаго катихизиса, свящ. исторіи, и показывались публичнѣ образцы ихъ чистописанія. Кончился экзаменъ, пѣвчіе пѣли «Достойно есть» или «Тебе Бога хвалимъ». Въ заключеніе инспекторъ объявлялъ разрядные и переводные списки, а смотритель награждалъ лучшихъ учениковъ «за благонравіе и успѣхи» дешевыми книгами, но дорогими для школьниковъ по надписи на нихъ. Радость и слезы слѣдовали у школьниковъ по объявленіи списковъ, въ особенности—горе у исключенныхъ. Учительская корпорация и посѣтители отправлялись въ помѣщеніе Правленія училища, а ученики, каждый съ своимъ воспринятымъ чувствомъ, шли по квартирамъ. На слѣдующій день былъ отпускъ на вакацію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Школьный бытъ питомцевъ Переславскаго духовнаго Училища въ сороковыхъ годахъ.

(Воспоминанія бывшаго питомца, по поводу 100-лѣтняго юбилея училища).

(О К О Н Ч А Н І Е) (*).

Во второмъ классѣ училища преподавались слѣдующіе предметы: русская грамматика—главный предметъ, свящ. исторія ветхаго заветъ въ разсказахъ, первыя четыре дѣйствія ариѳметики, пѣніе по обиходу, оканчивая богородичными, чтеніе и письмо полатыни и упражненія въ русскомъ чистописаніи на склоненіяхъ и спряженіяхъ. Во второмъ классѣ въ мое время былъ учителемъ іеромонахъ Данилова монастыря Викторъ, человекъ простой, добрый, мягкосердечный, рѣдко прибѣгавшій къ наказанію розгами и, кажется, боявшійся слезнаго крика наказуемыхъ. У него была привычка, когда ученикъ отвѣчалъ ему урокъ, держать его за ухо и мять въ своихъ рукахъ, конечно безъ боли. Бывало, какъ начнетъ онъ разсказъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, самъ расплечется и ученики, глядя на него, заливаются слезами. Умилительная картина! Въ вечерніе классы послѣ Пасхи до дня Вознесенія не полагалось у него другихъ занятій, кромѣ того, что ученики пѣли только Пасхальныя стихиры «да воскреснетъ Богъ» по нѣскольку разъ.

Въ третьемъ классѣ ученики дѣлились на двѣ группы: младшую, которую составляли переведенные изъ втораго класса въ нечетный годъ (41, 43 и т. д.; имъ приходилось пробыть въ третьемъ классѣ 3 года),—и старшую, болѣе многочисленную, которую составляли: а) оставленные на повторительный курсъ; б) проучившіеся здѣсь одинъ годъ въ младшей группѣ, и в) переведенные изъ втораго класса въ четный годъ. Последнимъ приходилось учиться въ третьемъ классѣ два года, т.-е. сравняться въ познаніяхъ съ

(*) См. Епарх. Вѣдом. № 9.

проучившимися ранѣе ихъ 1 годъ въ этомъ классѣ,—что было для многихъ не по силамъ. Вслѣдствіе этого большинство лучшихъ учениковъ при переходѣ въ 4 й классъ всегда составлялось изъ тѣхъ, которые пробыли три года въ 3-мъ классѣ. Когда въ этомъ классѣ было двѣ группы и насчитывалось до 120 учениковъ и болѣе, то и двумъ учителямъ, которые здѣсь полагались, трудно было справляться съ такой массой учившихся. Здѣсь преподавались языки: латинскій, греческій и славянскій, пространн. катихизисъ, церковный уставъ, ариѳметика и нотное пѣніе. Эти предметы преподаванія между 2-мя учителями раздѣлялись такъ: учитель латинскаго языка завѣдывалъ ариѳметикой и пѣніемъ, а грекъ—славянскимъ языкомъ, церковн. уставомъ и пасхалей. Но послѣдній предметъ существовалъ здѣсь почти только номинально.

Учителемъ 3-го класса по латинскому языку и соединеннымъ съ нимъ предметамъ былъ И. Мин. Никольскій (*). Онъ былъ учитель строгій, взыскательный. Ученики его боялись и какъ помощника инспектора, и какъ серьезнаго учителя, въ особенности—когда онъ былъ не въ духѣ. Это расположеніе его школьники предугадывали и по его походкѣ, и по костюму. Когда въ лѣтнее время видѣли его идущимъ въ классъ отъ Никольскаго монастыря, гдѣ онъ имѣлъ квартиру, въ цилиндрѣ, форменномъ фракѣ и бѣлыхъ брюкахъ, то напередъ знали, что предстоитъ гроза. Одно выраженіе его «ad Socolow» приводило весь классъ въ содроганіе изъ жалости за провинившагося и изъ опасенія за свою участь Соколовъ былъ экзекуторомъ столь же серьезнымъ, какъ И. М.—учителемъ. Хотя И. М. Никольскій рѣдко прибѣгалъ къ наказанію розгами и притомъ ограничивался лишь немногими ударами, но они были очень чувствительны отъ руки Соколова. Впрочемъ разумная строгость учителя не казалась

(*) Вслѣдствіи инспекторъ Шуйскаго училища, уже умершій, котораго я и хоронилъ.

жестокою, и такой учитель пользовался даже уваженіемъ школьниковъ, хотя его и страшились.

Учителемъ греческаго языка былъ свящ. И. М. Флоринскій. Онъ былъ особымъ типомъ, выдающимся между учителями того времени, типомъ безтолковаго старчества и самодурства. Научились ли отъ него школьники хоть чему нибудь,—Богъ вѣсть.

Въ 1844 году о. Флоринскій назначается смотрителемъ училища уже безъ уроковъ въ 3 классѣ. Въ этой должности онъ пробылъ всего одинъ годъ, или менѣе, и затѣмъ переводится въ настоятеля монастыря въ Муромѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь. На мѣсто о. Флоринскаго учителемъ греческаго языка въ 3 классѣ поступаетъ Ѳ. М. Покровскій, бывшій учитель 1 класса. Въ 1845 г. учитель латинскаго языка И. М. Никольскій переводится въ инспектора Шуйскаго училища, а на его мѣсто назначается кандидатъ академіи Ил. Ив. Сахаровъ, который становится и смотрителемъ училища. О начальствованіи Флоринскаго въ училищѣ ничего припомнить не могу, а о Сахаровѣ нѣчто воспоминается.

При назначеніи Сахарова смотрителемъ училища всѣ школьники (и не одни они) были недовольны тѣмъ, что обойденъ былъ опытный и дѣльный руководитель училища Чуриловскій. Высшее образованіе Сахарова въ академіи далеко уступало опытности и педагогическому такту Чуриловскаго. По этому поводу выходило не мало столкновеній между смотрителемъ и инспекторомъ училища; но инспекторъ всегда бралъ верхъ, какъ человѣкъ въ высшей степени честный, умный и правдивый. Сахаровъ, какъ учитель, былъ годный, но какъ начальникъ заведенія—мало годный. Иногда онъ былъ добръ и снисходителенъ, любилъ развивать въ ученикахъ охоту къ чтенію, для чего пріобрѣталъ на свои средства книжки и раздавалъ ихъ школьникамъ; но въ то же время былъ до чрезвычайности, вспыльчивъ,

сердитъ и жестокъ. При своей вспыльчивости онъ становился уже не человѣкомъ, а чисто звѣремъ. Говорили, что Сахаровъ изъ Переславля поступилъ во священника Орловской епархіи.

При переходѣ моемъ въ 4-й классъ засталъ я здѣсь учителей И. П. Чуриловскаго и А. П. Казанскаго. Первый былъ въ послѣдствіи смотрителемъ Шуйскаго училища, а второй—соборнымъ протоіереемъ г. Судогды (оба померли). Чуриловскій, кромѣ латинскаго языка, преподавалъ географію и ариметику; Казанскій, кромѣ греческаго языка, преподавалъ пространнѣйшій катихизисъ м. Филарета и свящ. исторію. О Чуриловскомъ, какъ инспекторѣ и руководителѣ училища, упоминалось; остается вспомнить о немъ, какъ учителѣ. Главный предметъ его преподаванія былъ латинскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ,—и свои познанія такъ умѣлъ передать ученикамъ, что онѣ долго не выходили у нихъ изъ головы. Корнелія Непота онъ зналъ всего наизусть, и при урокахъ въ классѣ не бралъ никогда книги въ руки. Ученики перваго десятка, кромѣ перевода главы изъ Корнелія на заданный урокъ, обязательно должны были выучивать наизусть латинскій текстъ, и это упражненіе по привычкѣ не казалось обременительнымъ. Изъ знанія урока онъ обыкновенно испытывалъ такъ: заставлялъ одного читать изустно латинскій текстъ, а другаго—со словъ того дѣлать русскій переводъ. Письменныя упражненія были очень часты, давались на домъ, а больше производились въ классѣ, при чемъ иногда объявлялось, что допускается *certare de loco*. Тогда пожелавшій спорить о мѣстѣ писалъ на своемъ упражненіи фамилію и прибавлялъ: *certo de loco cum N.* Чуриловскій сравнивалъ упражненія обоихъ, и когда у претендента находилъ менѣе ошибокъ, то сажалъ его на мѣсто того, къ кому заявлялась претензія; въ противномъ случаѣ спорщику давалъ таску тотъ, съ кѣмъ онъ спорилъ и не побѣ-

диль. Эти споры о мѣстѣ возбуждали соревнованіе въ ученикахъ и обнаруживали предъ ними всю правдивость въ распредѣленіи ихъ по нумерамъ въ разрядномъ спискѣ. Кромѣ классныхъ занятій Чуриловскій нерѣдко практиковалъ нѣкоторыхъ учениковъ у себя въ квартирѣ, когда считалъ необходимымъ поднять уровень ихъ познаній. Въ Чуриловскомъ замѣчательно было особенное чутье въ безошибочной оцѣнкѣ ученическихъ способностей; посредственность не могла у него пробиться въ первый разрядъ, въ особенности въ первый десятокъ. Отъ того ученики его изъ перваго десятка и при переходѣ въ семинарію удерживали высокія мѣста и не смѣшивались съ посредственностями. Это умѣнье вызнать ученика и дать ему устойчивое направленіе удается немногимъ педагогамъ. Жизнь И. П. велъ холостую, чисто монашескую (въ монастырѣ имѣлъ и квартиру); всегда былъ серьезенъ, но всѣмъ доступенъ,—во всемъ умѣренъ, одѣвался просто. Любѣвь и уваженіе, какими онъ пользовался отъ всѣхъ, трудно и передать.

А. П. Казанскій дѣло учительства велъ въ порядкѣ, былъ простой и добрый, хотя подъ часъ и любилъ попылить, но его почему-то мало боялись.

Въ 1848 г., помнится, онъ былъ переведенъ въ Судогду, а на его мѣсто учителемъ греческаго языка назначается смотритель Сахаровъ изъ учителей 3 класса.

Въ 1848 году по случаю холерной эпидеміи школьники были отпущены по домамъ въ іюнѣ, а переводные экзамены производились съ 1-го сентября. 16-го сентября, какъ переведенный въ семинарію, я прибылъ во Владимірѣ. На этомъ мои воспоминанія о пребываніи въ Переславскомъ училищѣ и оканчиваются.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о положеніи школьниковъ въ квартирахъ, ихъ содержаніи, питаніи, одеждѣ и обуви.

Въ школѣ насчитывалось около 300 учениковъ. По этому почти всѣ дома, прилежащія къ Данилову монастырю, гдѣ помѣщалось училище, были биткомъ набиты школьными квартирантами; въ небольшой избѣ помѣщалось отъ 10 до 15 человѣкъ. Плата за квартиру полагалась отъ 9 до 12 руб. ассигнаціями (*) въ годъ. Кроватей не было, спали въ холодное время въ избѣ на полу, полатяхъ, лавкахъ, кому гдѣ пришлось, а въ лѣтнее время переселялись обыкновенно на сѣноваль въ дворѣ. Постелью служилъ войлокъ и подушка, набитая сѣномъ, или мочаломъ; одѣялъ не знали, ихъ замѣняли неизмѣнные тулупъ и халатъ. Классы въ зимнее время отапливались плохо,—и тулупъ не сходилъ съ плечъ ученика. Вслѣдствіе пыли, грязи и скученности въ квартирахъ развитіе паразитовъ въ бѣльѣ и одеждѣ учениковъ было невообразимо.

Въ скромные дни школьники получали отъ хозяевъ пищу—бѣленныя щи и картофельную похлебку, въ постные дни—свеклу или капусту съ огурцами, и затѣмъ пустыя щи или похлебку. Каша употреблялась отъ себя рѣдко и не всѣми; мясо перепадало только по пріѣздѣ изъ домовъ, и предъ заговѣньями; о чаѣ никто не имѣлъ и помышленія. Изъ этого общаго правила исключенія были рѣдки. Въ особенности голодали сироты, коимъ высшее жалованье полагалось въ 12 руб. сер.,—и дѣти бѣдныхъ причетниковъ. Нельзя не удивляться тому, что при такой голодовкѣ, бѣднотѣ во всемъ содержаніи, рѣдко кто болѣлъ серьезно,—и на одномъ черномъ хлѣбѣ и квасѣ выросли великаны и силачи, чѣмъ не можетъ похвалиться новое поколѣніе при лучшихъ удобствахъ жизни.

Одежда учениковъ до того была разнокалиберна, что трудно дать о ней общее понятіе. Нагольные тулупы, или крытые крашениной, пестрядью, нанкой, съ рванымъ кушакомъ, были принадлежностью зимняго туалета; лѣтомъ—

(*) Среднимъ числомъ, 3 рубля серебромъ.

разнообразные халаты съ тѣмъ же кушакомъ. Нанковые сюртучки съ брюками составляли исключеніе, какъ щегольство, а суконные—передѣлку изъ какого либо линялаго и поношеннаго отцовскаго полукафтанья. Даже Чуриловскій лѣтомъ въ будни всегда ходилъ въ училище въ нанковомъ длинномъ сюртукѣ и такихъ же брюкахъ.

Относительно обуви учениковъ—таже исторія. Рваные сапоги съ плохими подметками не были рѣдкостью. Зимой надѣвались валенки; а лѣтомъ въ теплое время обуви не полагалось, ходили въ классъ босыми, и только въ церковь и на парадныя присутствія въ училищѣ надѣвались сапоги. О щеткахъ и ваксѣ для чистки сапоговъ не имѣли понятія,—лопухомъ наводили глянецъ на обуви.

Невольно при этомъ вспоминаются слова Грибоѣдова: «какъ посравнишь вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Священникъ *Александръ Ключаревъ.*

